

Александр Дюма

Ванинка

«ЭКСМО»

Дюма А.

Ванинка / А. Дюма — «Эксмо», — (История знаменитых преступлений)

ISBN 978-5-425-08762-1

ISBN 978-5-425-08762-1

© Дюма А.
© Эксмо

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Александр Дюма Ванинка (1800–1801)

Однажды, в конце царствования императора Павла I, то есть в середине первого года XIX века, когда куранты собора Петропавловской крепости, увенчанного золотым шпилем, который господствует над всеми фортификациями, пробили четыре часа пополудни, напротив дома генерала графа Чермайлова, в прошлом градоначальника довольно большого города в Полтавской губернии, начала собираться толпа из представителей разных сословий. Любопытных привлекли приготовления в глубине двора к порке, которой должен был подвергнуться один из крепостных генерала, исполнявший обязанности брадобрея. Хотя подобные наказания не были в диковинку в Санкт-Петербурге, всякий раз, когда это происходило публично, они неизменно собирали всех, кто в тот момент проходил по улице или мимо дома, где такая экзекуция должна была совершиться. А о том, что все это было именно так, свидетельствовало, как мы сказали, скопление народа перед домом генерала Чермайлова.

Впрочем, даже самые нетерпеливые зрители не могли пожаловаться, что их заставляют долго ждать. Около половины пятого на крыльце флигеля в глубине двора, как раз напротив парадного входа в генеральский дом, появился молодой человек лет двадцати четырех – двадцати шести в элегантном адъютантском мундире со многими орденами на груди. Приблизившись к входу в дом, он на секунду остановился и поднял глаза к окну, плотно закрытому занавеской, не оставлявшей прищельцу никаких надежд удовлетворить свое любопытство. Поняв, что бесполезно тратить на это время, он сделал знак бородатому мужику, стоявшему возле входа в строение, предназначенное для слуг. Дверь тотчас отворилась, и все увидели, как выходит в окружении дворни, обязанной для острастки присутствовать при этом зрелище, тот, кому предстояло расплатиться за свой проступок. Следом за ним шел экзекутор. Жертвой был, как мы уже сказали, цирюльник генерала. Исполнение же наказания было возложено на кучера Ивана, кого умение орудовать кнутом то возносило, то, если угодно, низводило до уровня палача всякий раз, когда предстояла подобная экзекуция. Все это, впрочем, не лишало его уважения и даже дружбы остальной челяди, совершенно уверенной, что действует он только рукой, а сердце не имеет к сему никакого касательства. Поскольку же и рука и тело принадлежали генералу, тот мог ими пользоваться по своему усмотрению, что никого не удивляло. К тому же Иван делал это не так больно, как делал бы другой на его месте. Будучи человеком незлым, он умудрялся пропускать один-два удара из положенной дюжины. Если же от него требовали неукоснительного счета всех положенных ударов, он старался, чтобы кончик кнута приходился на еловую доску, на которой лежал наказуемый, что избавляло того от лишней боли. Когда же наступала пора Ивану самому лечь на злополучную доску, чтобы получить свою порцию, тот, кто выступал в роли палача, принимал те же меры предосторожности, что Иван по отношению к другим, запоминая лишь те удары, которые были пропущены, а не те, которые были нанесены. Подобный обмен уловками помогал Ивану сохранять со своими товарищами добрые отношения, которые никогда не бывали более тесными, чем перед очередной экзекуцией. Правда, первые часы после понесенного наказания были для выпоротого полны страданий, и это делало его несправедливым по отношению к тому, кто его полосовал. Но это предубеждение исчезало в тот же вечер, когда оно растворялось в первом же стакане водки, который палач выпивал за здоровье пострадавшего.

Тот, на ком Иван должен был сегодня показать свою сноровку, оказался мужчиной лет тридцати пяти – тридцати шести, рыжебородым и рыжеволосым, выше среднего роста,

чье греческое происхождение угадывалось по взгляду, который, несмотря на естественный страх, сохранял, если так можно выразиться, в этом сиюминутном состоянии привычное лукавство и хитрость. Приблизившись к месту, где должна была состояться экзекуция, провинившийся остановился, бросил взгляд на окно, на которое до него уже несколько раз поглядывал молодой адъютант и которое оставалось закрытым, затем перевел его на толпу, собравшуюся у выхода на улицу, и, вздрогнув, устоял на доску, куда ему предстояло лечь. Эта дрожь не ускользнула от внимания его друга Ивана, который подошел к нему, стащил с него полосатую рубаху и, воспользовавшись этим, вполголоса бросил:

– Не дрейфь, Григорий!

– Ты не забыл обещание? – спросил тот с мольбой в голосе.

– Только не сразу, Григорий, – тут уж прости: спервоначалу адъютант строго следить станет. А вот под конец как-нибудь словчим, не бойсь.

– Не бей только концом.

– Постараюсь, Григорий, постараюсь. Нешто ты меня не знаешь?

– Ох, знаю, – ответил тот.

– Что у вас там? – спросил адъютант.

– Да вот готовы, ваше благородие, – ответил Иван.

– Обождите, обождите, ваше высокородие, – воскликнул несчастный Григорий, стараясь польстить капитану: со словами «ваше высокоблагородие» обращались только к полковникам. – Сдается мне, окошко барышни Ванинки открывается.

Молодой капитан с живостью повернулся в сторону окна, куда уже несколько раз, как мы сказали, обращал свой взор. Но ни одна складка на шелковой занавеске за стеклами не пошевелилась.

– А ты, оказывается, шутник, – заметил адъютант, с трудом отрывая глаза от окна и тоже явно надеясь, что оно приоткроется. – Ошибаешься. Да и при чем тут твоя благородная госпожа?

– Простите, ваше превосходительство, – продолжал Григорий, награждая адъютанта еще одним чином, – но, раз уж мне достанется по ее милости, может, она все-таки пожалеет бедного слугу и...

– Довольно болтать, – прикрикнул капитан каким-то странным тоном, словно тоже сожалел, что Ванинка не желает проявить милосердие. – Довольно. Поторапливайся.

– Сей минут, ваше благородие, сей минут, – сказал Иван. И, повернувшись к Григорию, добавил: – Давай, приятель, пора.

Григорий тяжело вздохнул, бросил последний взгляд на окно и, убедившись, что там ничего не изменилось, покорно лег на злополучную доску. Двое крепостных, которых Иван взял себе в подручные, схватили его и за руки привязали к столбам по обе стороны. Таким образом, он стал похож на распятого на кресте. Потом на шею ему надели хомут. Увидев, что все готово, и поняв, что милости не последует, раз окно осталось закрытым, молодой адъютант махнул рукой:

– Начали!

– Чуток еще обождите, ваше благородие, – сказал Иван, стараясь потянуть время и надеясь, что из-за закрытого окна последует какой-нибудь знак. – Узелок на кнутах развязать надо. Ежели я его оставляю, у Григория будет за что на меня жаловаться.

Орудие, с которым возился кучер, наверняка неизвестно нашим читателям. Это своеобразный хлыст с ручкой размером около фута, к которой привязывается плоский ремень из кожи шириной не более чем в два пальца и длиной в четыре фута. Заканчивается он железным кольцом, к которому крепится другой, утончающийся к концу ремешок длиной в два фута и шириной в полтора мизинца. Этот последний вымачивается в молоке и высушивается

на солнце, отчего его кончик становится таким же острым и режущим, как перочинный нож. После шести ударов этот ремешок меняют, так как от крови он становится мягким.

Как ни старался Иван тянуть время, делая вид, что развязывает узелок, ему таки пришлось сказать, что он готов. К тому времени зрители тоже стали выражать нетерпение, и это вывело молодого адъютанта из задумчивости. Подняв склоненную на грудь голову, он в последний раз взглянул на окно и, убедившись снова, что ждать оттуда милости бесполезно, повернулся к кучеру и властным жестом и непререкаемым тоном приказал начинать.

Ивану пришлось подчиниться. Не ища новых предлогов для оттяжки, он отступил для разгона на два шага, вернулся на прежнее место и, привстав на цыпочки, раскрутил кнут над головой, а затем резко опустил его на Григория, да с такой ловкостью, что ремень словно змея трижды обвил тело жертвы, ударив кончиком по доске, на которой тот лежал. И все равно, несмотря на эти предосторожности, Григорий вскрикнул, а Иван произнес:

– Раз.

Услышав крик, молодой адъютант снова повернулся к окну, но оно оставалось по-прежнему закрытым, машинально взглянул на Григория и, в свою очередь, бросил:

– Раз.

Кнут оставил тройную синеватую полосу на плечах брадобрея.

Иван сделал вдох и с той же ловкостью, что в первый раз, снова трижды обвил торс наказуемого своим свистящим ремнем, старательно оберегая тело от опасного кончика. Григорий опять вскрикнул, а Иван отсчитал:

– Два.

Крови еще не было видно, но она уже подступила к коже.

При третьем ударе появилось несколько капель.

При четвертом она хлынула.

При пятом брызги ее попали на лицо молодому офицеру, который отступил, вынул платок и вытер лицо. Воспользовавшись его рассеянностью, Иван сказал семь вместо шести. Капитан не сделал ему никаких замечаний.

На девятом ударе Иван остановился, чтобы сменить ремешок, и в надежде, что его уловка сойдет снова, произнес одиннадцать вместо десяти. В этот самый момент окно напротив окна Ванинки отворилось, и в нем появился мужчина лет сорока пяти – сорока восьми в генеральской форме, и тем же тоном, которым произнес бы: «А ну-ка покрепче!», скомандовал:

– Хватит с него.

И окно захлопнулось.

При появлении генерала молодой адъютант повернулся в его сторону, прижав левую руку к складке на брюках, а правую – к треуголке. Пока генерал находился у окна, капитан несколько минут стоял навтыжку, а потом, когда тот исчез, повторил его слова. Поднятый кнут опустил, не тронув тела Григория.

– Благодарю его высородие, Григорий, – сказал ему Иван, свертывая ремень на рукоятке. – Он тебе два раза скостил. – И, наклонившись, чтобы развязать наказанному руку, добавил: – Прибавь еще два моих, останется только восемь вместо двенадцати. Эй, вы там, развяжите ему другую руку!

Однако бедный Григорий был не в состоянии кого-либо благодарить. Почти теряя сознание от боли, он еле стоял на ногах. Двое мужиков подхватили его под руки и в сопровождении Ивана повели в людскую. Однако, дойдя до двери, он обернулся и, заметив адъютанта, который с жалостью смотрел ему вслед, крикнул:

– Ваше высокородие, поблагодарите от меня его превосходительство генерала... Что касается барышни, – добавил он шепотом, – ее-то уж я сам отблагодарю.

– Чего ты там бормочешь? – сердито цыкнул молодой офицер: ему показалось, что он слышит в голосе Григория угрозу.

– Ничего, ваше благородие, ничего! – отозвался Иван. – Бедняга благодарит вас за то, что потрудились присутствовать при его наказании – это для него большая честь.

– Ладно, ладно, – отмахнулся молодой человек, не сомневаясь, что Иван искажил слова наказанного, но не особенно стремясь узнать правду.

– Коли Григорий не хочет навязать мне еще больший труд, пусть не злоупотребляет водкой, а уж если напьется – так постарается быть почтительней.

Иван униженно поклонился и последовал за своими. Федор вошел в вестибюль дома, и толпа на улице рассеялась, весьма недовольная хитростями Ивана и благородством генерала, лишивших их зрелища четырех плетей, то есть трети обещанного.

А теперь, когда мы познакомили читателей с некоторыми героями этой истории, обратимся к тем, кто появился в ней лишь на мгновение или скрываясь за занавеской.

Генерал граф Чермайлов, как было сказано, после управления одним из больших городов в окрестностях Полтавы, отозванный в Санкт-Петербург Павлом I, который испытывал к нему дружественные чувства, остался вдовцом и жил с дочерью, унаследовавшей состояние, красоту и гордыню матери, весьма кичившейся тем, что род ее берет начало от татарского полководца, вторгшегося в XIII веке в Россию вместе с ордами Чингисхана. По роковой случайности подобное высокомерие у юной Ванинки проявилось не только в силу полученного воспитания. Вдовец и не будучи в состоянии заниматься дочерью, генерал Чермайлов нанял для нее английскую гувернантку, которая вместо того, чтобы поубавить своей воспитаннице спеси, еще усугубила в ней врожденный аристократизм новыми принципами, делающими английскую знать самой высокомерной в мире. Наряду с другими науками Ванинка успешно усвоила одну, которая оказалась особенно ей по душе, – науку постижения, если можно так выразиться, своего места в свете. Она прекрасно знала степень знатности и могущества всех богатых семейств, бывших ей ровней и стоявших выше, и умудрялась безошибочно – что в России совсем не просто – величать каждого согласно его званию, дающему право на место в обществе. Поэтому она выказывала полное презрение ко всем, кто был ниже «его превосходительства». Что касается крепостных, то они были для нее лишь бородатыми скотами, стоявшими, в соответствии с теми чувствами, которые она к ним питала, существенно ниже ее лошадей или собак, за которых она, не задумываясь, отдала бы жизнь любого крепостного мужика. Впрочем, как и все русские женщины благородного происхождения, она была довольно приличной музыкантшей и одинаково свободно изъяснялась по-французски, итальянски, немецки и английски.

Что касается черт ее лица, они гармонировали с ее характером. Иными словами, Ванинка была красива, но какой-то холодной красотой. Ее большие черные глаза, прямой нос и презрительно опущенные уголки губ вызывали у тех, кто приближался к ней, странное чувство. Это выражение пропадало только тогда, когда она была среди тех, кого считала ровней или выше себя по положению. Для них она становилась обыкновенной женщиной, тогда как для тех, кто был ниже ее, оставалась гордой и неприступной богиней.

Когда к семнадцати годам ее образование было завершено, воспитательница, на здоровье которой сказался суровый климат Санкт-Петербурга, попросила отпустить ее. Ее отблагодарили с той щедростью, которая сегодня в Европе присуща лишь русской аристократии. Так Ванинка осталась одна, направляемая в жизни только слепой любовью отца, чьей единственной дочерью, как мы сказали, она была и который в своем безыскусном и диковатом восхищении полагал, что она – воплощение всех человеческих достоинств.

Вот как обстояли дела в доме генерала, когда он однажды получил письмо от друга детства, писавшего ему со смертного одра. Сосланный после размолвки с Потемкиным в свое имение, граф Ромайлов оказался не у дел. Не сумев снова обрести благосклонность

светлейшего, он томился за полторы тысячи верст от Санкт-Петербурга и страдал не столько от ссылки и собственных несчастий, сколько от сознания, что это отразится на будущем его единственного сына Федора. Предчувствуя, что оставляет его одного без поддержки, граф просил генерала во имя их старой дружбы позаботиться о молодом человеке. Он рассчитывал, что приближенный ко двору Павла I генерал добудет его сыну офицерские эполеты в одном из полков. Граф Ромайлов не дождался ответа генерала, который написал, что сын друга найдет в нем второго отца. Известие о своей утрате Федор доставил ему сам вместе с просьбой об обещанной протекции. Сие было непросто, но графу уже удалось испросить ему у Павла I чин подпоручика Семеновского полка. Таким образом, Федор вступил в должность на другой же день после своего приезда.

Хотя молодой человек лишь на несколько минут заглянул в дом генерала по дороге в казарму на Литейном, он успел разглядеть Ванинку и унести восторженное воспоминание о ней. К тому же Федор приехал напичканный наивными и благородными предрассудками. Его признательность покровителю, открывшему ему путь к карьере, была так велика, что она распространялась на всех, кто окружал генерала. Не исключено, что он составил себе излишне восторженное впечатление о той, что была ему отрекомендована как сестра, но, несмотря на это, она приняла его с холодностью и гордостью королевы. И все-таки, как ни холоден был ее прием, он оставил след в сердце молодого человека, и его приезд в Санкт-Петербург оказался, таким образом, отмечен незнакомым ему доселе чувством.

Что касается Ванинки, то она не обратила внимания на Федора. Какое значение для нее мог иметь этот подпоручик без состояния и будущего? Она мечтала составить партию, которая бы сделала ее самой влиятельной дамой в России. Не имея шансов стать героем ее романа, Федор не представлял для нее никакого интереса.

Через несколько дней после первой встречи Федор явился попрощаться с генералом. Полк его входил в состав армии, которую фельдмаршал Суворов брал с собой в Италию. Федор решил либо умереть, либо оказаться достойным своего покровителя, поручившегося за него.

То ли элегантная форма добавила что-то к его собственной красоте, то ли выраженная перед отъездом восторженность окружила молодого человека неким ореолом поэтичности, но только удивленная происшедшей в нем переменой Ванинка по требованию отца удостоила его протянутой руки, а это уже превосходило все, на что Федор мог рассчитывать. Тогда, встав на колени, словно перед королевой, и взяв в свои дрожащие руки руку Ванинки, он едва решился прикоснуться к ней губами. Впрочем, как бы мимолетен ни был этот поцелуй, Ванинка вздрогнула, словно до нее дотронулись раскаленным железом. Она почувствовала, как по всему ее телу пробежала дрожь, а лицо залил румянец. Она так живо отдернула руку, что Федору показалось, будто своим почтительным жестом он обидел ее, и он остался на коленях, простирая к ней руки, с выражением такого страха на лице, что Ванинка, забыв свою гордыню, улыбкой успокоила его. Федор поднялся, испытывая неизъяснимую радость. Покидая Ванинку, он был совершенно уверен только в одном – никогда еще в жизни он не был так счастлив, как в эти мгновения.

Молодой офицер отправился в армию, полный радужных грез. Каким бы ни выглядел открывавшийся перед ним горизонт – мрачным или блестящим, будущее его было завидно: если его ждет кровавая могила, Ванинка – это он прочел у нее в глазах – пожалеет о нем; если ему суждена слава, он с триумфом вернется в Санкт-Петербург, потому что слава подобна королеве, которая может творить чудеса для своих любимцев.

Армия, в составе которой находился молодой офицер, пересекла Германию, через горы Тироля вступила в Италию и 14 апреля вошла в Верону. Соединившись с войсками генерала Меласа, Суворов возглавил соединенные силы союзников. Когда на другой день генерал

Шатлер предложил ему отправиться на рекогносцировку, Суворов, удивленно взглянув на него, сказал:

– Я не ведаю другого средства узнать противника, как двинуться на него маршем и побить его.

Суворов привык к быстрым действиям. Именно так победил он турок при Фокшанах и Измаиле, так после краткого похода захватил Польшу и за четыре часа взял Прагу.¹ Благодарная Екатерина послала генералу-победителю дубовый венок, украшенный драгоценными камнями стоимостью в шестьсот тысяч рублей, усыпанный бриллиантами жезл массивного золота, пожаловала ему чин генерал-фельдмаршала, разрешила самому выбрать полк, который отныне и навсегда будет носить его имя, а по возвращении разрешила отдохнуть в прекрасном, подаренном ему вместе с восемью тысячами душ крестьян поместье. Каким великолепным примером служил он для Федора! Сын простого русского офицера, Суворов воспитывался в кадетском корпусе и начал, как и он, службу подпоручиком.² Так почему бы в одном веке не появиться двум Суворовым?

Прибытию Суворова предшествовала его неслыханная слава как человека религиозного, бесстрашного, живущего с простотой татарина и воюющего с казачьей удалью. Именно такой человек был нужен, чтобы закрепить победы генерала Меласа над солдатами Республики, разочарованными нелепой нерешительностью Шерера. К тому же перед стотысячной русско-австрийской армией стояли лишь 29–30 тысяч французов.

По своему обыкновению Суворов начал с молниеносной победы. 20 апреля он подошел к безуспешно пытавшейся оказать ему сопротивление Брешии. После получасовой канонады ворота были взломаны топорами, и дивизия Корсакова, в авангарде которой шел полк Федора, ворвалась в город, преследуя гарнизон, состоявший из тысячи двухсот человек и укрывшийся в цитадели. Не привыкший к столь стремительным атакам и увидев уже представленные к стенам лестницы, комендант генерал Букре решил сложить оружие. Но он оказался в столь безвыходном положении, что не смог добиться от неистовых победителей согласия на какие-либо условия. Букре и его солдаты сдались в плен.

Суворов был человек, лучше всех на свете умевший воспользоваться достигнутой победой. Едва захватив Брешию, да столь быстро, что это повергло французские войска в уныние, он приказал генералу Краю усилить нажим на Пескьеру. Генерал Край встал со своим штабом в Валеджо, на полпути между Пескьерой и Мантуей, растянув для этого армию по реке По до озера Гарда и по берегу Минчо и обложив оба города. А тем временем фельдмаршал во главе своих основных сил двумя колоннами форсировал Ольо, направив одну из них под командованием генерала Розенберга на Бергамо, а другую под командованием Меласа к Серио. Одновременно два семи-восьмитысячных корпуса генерала Кайма и Гогенцоллерна двинулись по левому берегу По на Пьяченцу и Кремону. Русско-австрийская армия действовала на фронте в восемнадцать лье силами в восемьдесят тысяч человек.

При виде втрое превосходящих сил противника генерал Шерер отступил по всей линии. Потеряв надежду удержать предместные укрепления на Адде, он уничтожил их и перенес свой штаб в Милан, ожидая там ответа на свое послание Директории, в котором косвенно признавал себя неспособным продолжать командование армией и просил об отставке. Но так как преемник его задержался с приездом, а Суворов продолжал наступление, Шерер, напуганный свалившейся на него ответственностью, передал командование одному из самых способных своих генералов. Этим выбранным им самим генералом ока-

¹ Имеется в виду предместье Варшавы.

² Биографии Суворова Дюма не знал. Суворов был сыном не простого офицера, а генерал-аншефа (генерал-полковника), в кадетском корпусе не воспитывался, службу начал не офицером, а рядовым.

зался Моро, которому и предстояло вступить в бой с теми самыми русскими, в рядах которых он затем погибнет.³

Это неожиданное назначение было с восторгом встречено солдатами. После удачно проведенной рейнской кампании Моро получил прозвище французского Фабия,⁴ и теперь, сопровождаемый восторженными криками: «Да здравствует Моро! Да здравствует спаситель Итальянской армии!» – он проследовал вдоль выстроившихся войск.

Но как бы ни согревали Моро эти приветственные крики, они не могли ослепить его: он вполне отдавал себе отчет в трагизме своего положения. Под угрозой окружения флангов ему пришлось выдвинуть против русских фронтальную линию своих войск. Иными словами, для того чтобы противостоять противнику, ему понадобилось растянуть их от озера Лекко до Пиццигитоне, то есть на двадцать лье. Разумеется, он мог отойти в Пьемонт, собрать войска в Александрии и ждать там обещанных Директорией подкреплений. Но тем самым он поставил бы под удар Неаполитанскую армию, оставив ее один на один с противником. Поэтому Моро принял решение оборонять, сколь будет возможно, переправу через Адду, чтобы дать время дивизии Дессоля, обещанной ему Массена, прибыть на передовую и занять левый фланг. Одновременно генералу Готье было приказано оставить Тоскану и ускоренным маршем прибыть на правый фланг.

Сам Моро оставался в центре, чтобы лично защищать предместное укрепление в Кассано, прикрытое каналом Риторто и обороняемое его окопавшимся авангардом с многочисленной артиллерией.

Столь же осторожный, сколь и смелый, Моро принял все меры для отхода в случае поражения к Апеннинам и генуэзскому побережью.

Едва он успел закончить эти приготовления, как неугомимый Суворов вступил в Тривольо. Одновременно с известием о вступлении в этот город русского фельдмаршала Моро узнал о сдаче Бергамо и его цитадели и 25 апреля увидел головные части союзной армии.

В тот же день русский полководец разделил свои войска на три вдвое превосходившие силы обороняющихся колонны в соответствии с тремя главными опорными укреплениями французской линии фронта. Справа корпус генерала Вукасовича двинулся на озеро Лекко, где его поджидал генерал Серюрье; слева армия Меласа расположилась против Кассано. Наконец, австрийские дивизии генерала Отта и Цопфа в центре сосредоточились вокруг Канонии, чтобы в нужный момент захватить Ваприо. Биваки русских и австрийцев располагались на расстоянии пушечного выстрела от французских аванпостов.

В тот же вечер Федор, чей полк входил в дивизию Шатлера, писал генералу Чермайлову:

«Наконец-то перед нами французы. Завтра утром предстоит большое сражение. Завтра я либо погибну, либо стану поручиком».

Назавтра, то есть 26 апреля, с рассветом с флангов боевой линии ударили пушки, и на нашем крайнем левом фланге перешли в наступление гренадеры князя Багратиона, а на крайнем правом, оторвавшись от Ривельо, генерал Секендорф двинулся маршем на Кремону.

Оба эти наступления имели разный успех: гренадеры Багратиона были отброшены с большими потерями, в то время как Секендорф изгнал французов из Кремоны и его разведка дошла до моста в Лоди.

³ В битве при Дрездене в 1813 г., находясь на службе у Александра I.

⁴ *Квинт Фабий Максим Кунктатор* (ум. 203 до н. э.) – римский полководец, чья тактика – уклоняться от решительного сражения и постепенно истощать армию противника (отсюда прозвище Кунктатор – Медлитель) – способствовала поражению Ганнибала во 2-й Пунической войне.

Федор ошибся в своих предположениях: корпус его так и остался весь день в резерве в ожидании приказа о наступлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.